

В стенах школы, секреты долго не хранятся.

В течении дня новость о том, что Сяо Ихэн равнодушно отверг красивую омегу-младшую перед сотнями учеников, быстро распространилась по всему кампусу.

Когда Ли Чэн вошел в класс, все шумно обсуждали эту тему.

— Хуан Елунь, ребята, о чем вы болтаете? — С любопытством он остановил одного из своих маленьких бета братьев и спросил.

Если бы младших братьев разделили на разные звания, Хуан Елунь, который также был членом команды по плаванию, стал бы близким доверенным лицом Ли Чэна. Он был как самый доверенный императора евнух... Императорский телохранитель. Каждый день его задачей было добросовестно подшучивать над Ли Чэном и выполнять роль помощника.

Хуан Елунь был человеком, который ничего не умел делать, кроме как пускать сплетни и интриги. Он заметил, что Ли Чэн заинтересовался, поэтому быстро выложил все, что произошло вчера в столовой. Он живо описал ту сцену с Сяо Ихэном и прекрасно подражал ему. Выглядело все так, словно он спрятался под столом в самый разгар и подслушивал их разговор.

— Ли Гэ, тебе не кажется, что этот Сяо Ихэн слишком самонадеян? — Хуан Елунь хлопнул по столу и пожаловался, — Она выдающаяся красавица! С точки зрения личности, она нежная, щедрая, милая и застенчивая. С точки зрения внешности, она самая красивая из всех девушек-омег в нашей школе! И что же ответил Сяо Ихэн? Он ответил: «Я ведь не просил тебя любить меня, так какое это имеет отношение ко мне?» Девушка так много плакала после отказа! Из-за этого она даже отпросилась от сегодняшних занятий!

Студент рядом с ним кивнул, полностью соглашаясь с Хуан Елунем.

Когда они только пришли в плавательный клуб, Сяо Ихэн уже был за границей по программе студенческого обмена, так что у студентов в их классе не было никакого отчетливого впечатления об этом знаменитом альфе-сердцеде школы.

Они слышали от старших, что у него холодная и бесчувственная натура. Однако после вчерашнего случая студенты поняли лишь одно — Сяо Ихэн не был просто «бесчувственным», а ледяным айсбергом, который видимо никогда не растает. Каждому, кто хоть раз пытался дотронуться до него, получали увечья. Точно не физические.

В то время как все реагировали с чувством возмущения, мысли Ли Чэна уже унеслись далеко-далеко. Он вспомнил портреты, которые видел в художественном классе. Он видел его лишь мельком, но помнил до сих пор.

— ... Это ведь нормально — быть высокомерным с такой-то внешностью.

Однако Ли Чэн не стал бы говорить от имени Сяо Ихэна перед своими маленькими братьями. Когда он подумал о ряде трофеев в кабинете директора Сюя, его недовольство достигло предела, и он пришел в ярость.

Хуан Елунь внезапно замолчал, как и остальные студенты, когда Ли Чэн пнул свой стул с криками:

— Что такое? Кошка съела твой язык? Я тебя же спрашиваю!

Хуан Елуню хотелось плакать. Он не испытывал ненависти к жизни, но он еще не до конца наслаждался славной школьной жизнью! Ему ужасно хотелось сказать, что господин Ли — самый красивый омега мужского пола в их школе, но он не хотел, чтобы с него содрали кожу, расчленили и повесили на городской стене под палящим солнцем на три дня.

Он не мог произнести это вслух, поэтому заставил себя произнести другое имя. Это был омега-самец из соседнего класса, с тонкими, тонкими чертами лица. Его кожа была светлой и гладкой, вызывая у людей желание защитить его. У него действительно была хорошая внешность, но он был довольно посредственным по сравнению с Ли Чэном.

Когда Ли Чэн услышал это имя, его брови нахмурились, и он томно сказал:

— Он? Кроме того, что у него более светлая кожа, чем у меня, где еще он красивее меня? Я действительно не понимаю предпочтения альфа и бет.

— Э... — Хуан Елунь не находил слов. Он даже не ожидал, что Ли Чэн действительно будет признавать свою внешность. Сначала он думал, что такой человек, как Ли Чэн, никогда не позволит другим называть его красивым и прекрасным подобно девушке, поэтому у других не было другого выбора, кроме как называть его лихим, героическим и экстраординарным красавцем.

Тем не менее школьный тиран казался еще более привлекательным благодаря своей самоуверенности.

.....

Сяо Ихэн не ожидал, что слухи о том, что он отверг девушку в кафетерии, так быстро распространялись по школе. Поначалу все просто сокрушались по поводу его отчужденности и таких равнодушных слов, но постепенно ситуация становилась более запутанной.

Куда бы он ни пошел, студенты смотрели на него и перешептывались. «Я ведь не просил тебя любить меня, так какое это имеет отношение ко мне?» — Мгновенно стало самым

популярным приветствием в кампусе. На форуме кампуса эта фраза стала первой в горячем списке из ниоткуда. Многие студенты под псевдонимом набирали сообщения, используя эту фразу.

Учителям не потребовалось много времени, чтобы узнать об этом.

В одном из классов математики учитель специально вызвал Сяо Ихэна.

— Сяо Ихэн, подойди и скажи всем, какое отношение монотонность функции имеет к ее производной?

Сяо Ихэн молчал.

Весь класс хотел засмеяться, но не осмеливался, поэтому каждый подавлял свой смех, пока их лица не стали ярко-красными. Лю Ке, который был соседом Сяо Ихэна, ему было еще труднее сдерживаться. Он положил голову на стол, спрятавшись руками и смеясь до дрожи в теле.

Сяо Ихэн понимал, что ему это давалось действительно трудно.

После школы Сяо Ихэн пошел в класс рисования, чтобы порисовать. Как обычно.

Цю Сянь дала ему запасной ключ, чтобы он мог спокойно приходить в класс даже тогда, когда ее не было в школе.

Он поставил мольберт, положил холст, приготовил палитру и тщательно изобразил заходящее солнце за окном.

Когда Цю Сянь вошла, он был как раз в середине углубления оттенков.

Затаив дыхание, она подошла к нему и посмотрела на картину.

Познакомившись с Сяо Ихэном, Цю Сянь обнаружила, что в этом мире действительно существовал такой талантливый человек, который может показать людям проблеск истинной сущности мира с помощью одной лишь кисти. Его глаза содержали свет, тьму и мириады цветов, которые другие люди никогда не могли себе представить, не говоря уже о том, чтобы достичь.

Сяо Ихэн мог видеть не только солнечный свет, но и также мог его процесс и составляющее. Сяо Ихэн ловил каждую вспышку, хватал их и помещал внутрь картины.

Картина, которую он назвал «после школы», представляла собой смесь различных оттенков оранжевого. Небо было оранжевым. Листья были оранжевыми. Спортивная площадка была оранжевой. Даже ученики, игравшие с мячом, тоже были покрыты оранжевым цветом.

Это была чрезвычайно прекрасная картина. Краски лежали на холсте слой за слоем, терпеливо ожидая, когда художник подарит им жизнь.

Цю Сянь долго молча наблюдала за ним. Сяо Ихэн остановился, когда солнце уже село. Только тогда он осознал присутствие Цю Сяня.

— Учитель Цю. — Сяо Ихэн поспешно встал, чтобы уступить свое место беременной женщине, — Мне очень жаль. Оранжевой краски, которую я подготовил, оказалось недостаточно, поэтому я посмел использовать вашу.

Поскольку он взял его без ее разрешения, его лицо покраснело от стыда.

— Я не просила тебя брать мою краску, так что это действительно имеет какое-то отношение ко мне. — Цю Сянь улыбнулась.

Сяо Ихэн мгновенно замолчал.

— И кто, черт возьми, поделился этой фразой со всеми? — он вздохнул, чувствуя себя беспомощным.

— В конечном итоге, это все равно твоя вина. Ты был слишком холоден и равнодушен, когда отказал той девушке. Ты был невнимателен к ее чувствам перед всеми и поставили ее в неловкое положение. Вполне естественно, что друзья помогут ей выплеснуть свой гнев.

Только тогда Сяо Ихэн обнаружил, что причина, по которой эта «знаменитая поговорка» была распространена по всей школе, заключалась в том, что лучшие друзья девушки также внесли свой вклад в это распространение, желая видеть виновного смущенным.

После того, как он узнал правду, мысли Сяо Ихэна были примерно такими — ему было все равно.

Ему было все равно, нравится ли он людям, и еще менее вероятно, что ему будет интересно, нравится ли он другим.

Точно так же, как и его реакция на ту девушку, нравился ли он другим людям или не нравился, какое это имело отношение к нему?

.....

Уже темнело, поэтому Сяо Ихэн оставил незаконченную картину и вышел из класса искусств, попрощавшись с Цю Сянь.

Его дом находился недалеко от школы. До него было всего двадцать минут ходьбы.

Если свернуть налево у школьных ворот, можно было срезать путь. Однако этот короткий путь не был таким уж безопасным. Там было всего несколько уличных фонарей, а также злостный инцидент с ограблением старшеклассника произошел именно в этом переулке.

Кроме того, не так давно Сяо Ихэн стал свидетелем «места преступления», когда второкурсника запугивал рыжеволосый хулиган, который, как все говорили, был поклонником Ли Чэна.

Погруженный в свои мысли, он вдруг услышал странный голос со стороны переулочка.

— Черт! К черту этого Лаоцзы! — Послышался голос... довольно молодого человека, но его голос казался довольно низким.

Кто мог оказаться в переулочке, где в это время не было уличных фонарей?

Сердце Сяо Ихэна бешено колотилось, опасаясь, что он столкнется с еще одним хулиганским инцидентом, как в прошлый раз. Он немного поколебался, прежде чем быстро повернуться и войти в переулочек.

Неожиданно в переулочке никого не оказалось и переулочек оказался тупиком. С одной стороны были высокие стены школы, а с другой — жилой дом. В переулочке было очень темно, но под лучами заходящего солнца он с трудом мог разглядеть ситуацию внутри переулочка.

В поле зрения действительно не было ни души.

Сяо Ихэн подумал про себя, Может мне просто послышалось?

Только он собрался повернуться и уйти, как вдруг услышал голос с высоких стен над собой
— Эй, ты там, внизу! Ты из ХЧ1, да? [1]

Когда он услышал голос, перед глазами появились две ноги, которых явно бы никто не ожидал увидеть на стене.

Сяо Ихэн удивленно застыл.

— Чего...?

Он поднял глаза и увидел юношу, который стоял спиной к нему, цепляясь за верхнюю часть высоких стен школы, его две ноги болтались в воздухе, казалось, ища точку опоры.

Сяо Ихэн молчал.

Он не знал, что сказать, столкнувшись с таким странным зрелищем.

Юноша заметил, что Сяо Ихэн стоит неподвижно, поэтому он цокнул языком, а затем крикнул:

— Ты из какого класса? И какого черта ты там стоишь? Почему ты не помогаешь мне? Или ты хочешь увидеть, как твой папочка выставит себя дурачком?

Он явно находился в таком трудном положении, но его голос не был похож на голос человека, который просит о помощи.

Казалось, весь мир должен был следовать его желаниям, совершенно не обращая внимания на то, что он выглядел неудачником, прижимаясь к стене. Он выглядел крайне глупо.

Сяо Ихэн был в недоумении.

Он немного помолчал, желая сказать юноше, что вряд ли его «папочка» будет тайком перелезать через школьную стену после занятий.

В конце концов, он предпочел не говорить этого, а вместо этого спросил:

— И чем же я могу тебе помочь?

— Не мог бы ты поискать здесь лестницу? — Юноше сразу же проинструктировал его, — Я специально поставил его тут. Если я когда-нибудь узнаю, кто именно сдвинул мою лестницу, я обязательно преподам этому человеку урок!

Итак, он действительно пошел искать лестницу и слушал, пока юноша посылал свои проклятия.

— Здесь нет лестницы. — Вновь оглядевшись, ответил Сяо Ихэн.

— Черт, что ты... Ты тщательно искал его?

Сяо Ихэн еще раз осмотрелся.

— Да. Здесь нет никакой лестницы.

Школьная стена была очень высокой, и там не было лестницы. Если бы юноша, висящий на стене, опрометчиво спрыгнул вниз, он определенно бы ушибся.

Сяо Ихэн не мог понять, что этот юноша хотел сделать после того, как покинул школу, но он был уверен, что юноша не получал разрешения от учителя покидать стены школы. Если нет, то он точно бы не стал настолько отчаиваться, чтобы рискнуть перелезть через школьную стену.

Как раз в тот момент, когда Сяо Ихэн собирался посоветовать ему вернуться, он вдруг услышал, как юноша попросил подойти.

Сяо Ихэн не знал, что он собирается делать, но все же подошел к нему и посмотрел на спину юноши.

С точки зрения Сяо Ихэна, он не мог ясно видеть его лицо. Он мог видеть только его длинные ноги, прикрытые школьной формой, и нижнюю часть брюк, которые были грязными от пыли после того, как их потерлись о стену.

— Ты альфа или бета? — спросил юноша.

— Альфа. — Сяо Ихэн стал еще более озадачен, — А что?

Юноша испуганно прошептал:

— Альфа? Альфы обычно физически сильны. Надеюсь, этот не слабак... □ Эй, ты там, внизу!
— Он повысил голос и приказал, — Я собираюсь прыгнуть. Поймай меня!

Глаза Сяо Ихэна резко сузились.

— Чт...?!

Прежде чем он успел среагировать, человек, висящий на стене, разжал руки и его тело тут же устремилось вниз.

Сяо Ихэн рефлекторно протянул руку. В следующее мгновение в его объятия упал юноша с ослепительно золотыми волосами.

[1] ХЧ1 - их школа - Хуачэн №1

<http://bllate.org/book/15731/1407932>